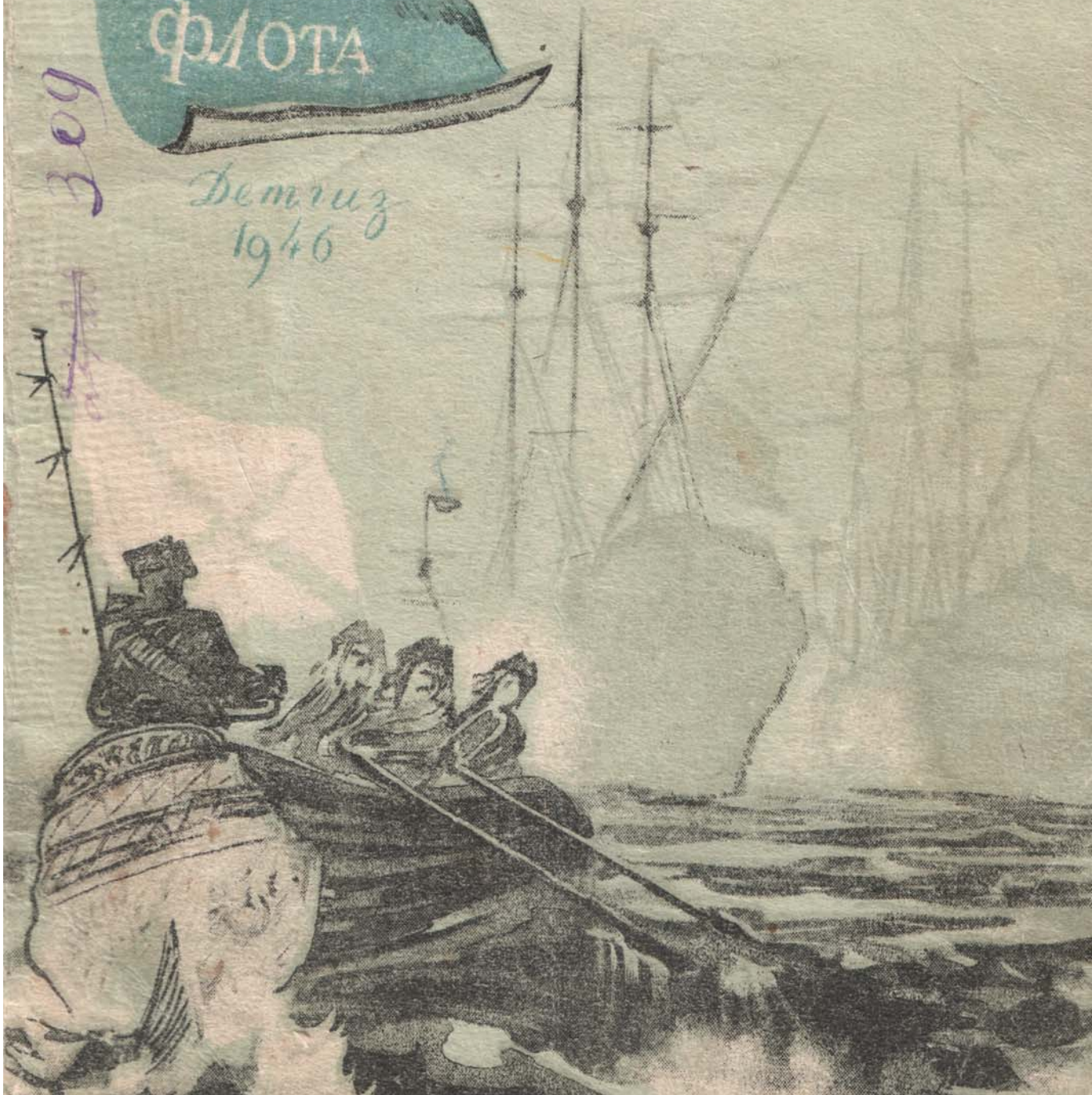

Л Е В   Р У Б И Н Ш Т Е Й Н

Ветгиз
1946

309

309

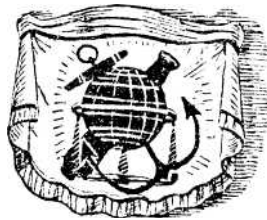

ЛЕВ РУБИНШТЕЙН

Рисунки Л. ЗУСМАНА

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1946 Ленинград

1. ЗАБАВЫ СУХОПУТНЫЕ

На восточной окраине Москвы, за Сокольника-ми, у Стромьинского моста, тянется вдоль речки Яузы длинная набережная.

Движение здесь небольшое. Изредка прогремит по мосту трамвай, провояет между облаками винт самолета, и снова слышны только звонкие голоса детей из детского сада и шум листвы над водой.

Эта набережная называется Потешной. На ней откосы, поросшие березками и ольхой, крошечные огородики с картофельными грядками, высокая кирпичная стена нового дома.

Двести пятьдесят лет тому назад на этом месте стояла игрушечная крепость Пресбург.

Крепость была сделана, как самая настоящая крепость. Только размером она была маленькая, и все в ней было маленькое: неглубокие рвы, некру-

тые раскаты, невысокие стены. Нал крепостью реял маленький флаг. В этой крепости молодые солдаты, пятнадцати-девятнадцати лет, вели друг с другом ненастоящую войну.

В крепости возле небольших башен, у подъемного моста, стояли пушечки, которые стреляли порохом и бумажными снарядами. Густой дым поднимался вверх, к флагу, который защитники ни за что не хотели спускать. Потом начался штурм, и осаждавшие, вооруженные деревянными пиками, бросились на стены и после ожесточенного боя ворвались в крепость.

Их вел высокий мальчик в узком зеленом кафтане, в красных штанах и в сапогах. В руках у него была игрушечная шпага. Свою треугольную шляпу он потерял в пылу боя. Его длинные темные волосы развевались по ветру. «За мной, молодцы!» кричал он, прыгая на вал, за которым стояли защитники крепости.

Наконец крепость была взята. Победители и побежденные выстроились на площади и прошли маршем мимо командующего — рослого человека в затейливой шляпе с пером. Били барабаны, трубили трубы. Солдаты пиками салютовали командующему. После парада он обнял мальчика, который вел солдат на штурм, и сказал:

— Поздравляю, Петр Михайлов: крепость лихо взяли!

6

Село на берегу Яузы, в котором происходила эта война, называется теперь Преображенской заставой города Москвы. А тогда это было царское село Преображенское, и от него до Москвы было километра четыре. Москва была видна вдалеке. Это был деревянный город с крутыми крышами, со множеством белых стен, башен, садов. Над Москвой поднимался высокий Кремль, и ветер доносил оттуда перезвон колоколов. А в Преображенском пели петухи, гудели на Яузе водяные мельницы. Ветер шумел густой листвой в яблонях, над пасекой, над огородами, скотным и соколиным дворами, над затейливой крышей деревянного царского дворца.

Утро в Преображенском начиналось с трубного сигнала и барабанной дроби. По улицам, поднимая высокие столбы пыли, маршировали солдаты в зеленых мундирах, с белыми и красными портупелями. Проходя мимо «Капитанского дворца», который стоял отдельно, неподалеку от царского, они поднимали вверх пики и ружья. На крыльцо выходил генерал в шляпе с пером. Среди сержантов в строю стоял и Петр Михайлов, в треугольной шляпе, с саблей возле плеча. Затем начинался развод караулов.

Как-то утром на извилистой дороге за клубилась пыль. Из Москвы ехал длинный поезд — рысью трусили всадники в ярких кафтанах, желтых и

7

красных, шитых золотом. В центре группы всадников, тяжело переваливаясь, ехала по ухабам огромная золоченая карета. Карета была вся расцвечена узорами в виде листьев, на крыше сверкали четыре золотых шара, из них торчали метелки разноцветных перьев. Три пары откормленных коней везли эту блистающую карету. На правой лошади каждой пары сидел всадник, и все они свистели, кричали, хлопали кнутами. Уже издали было слышно, что едет не какой-нибудь простой человек, а важный боярин.

На заставе возле Преображенского карету неожиданно остановили. Два солдата, скрестив свои пики перед всадниками, спросили, кто, куда едет и пропуск.

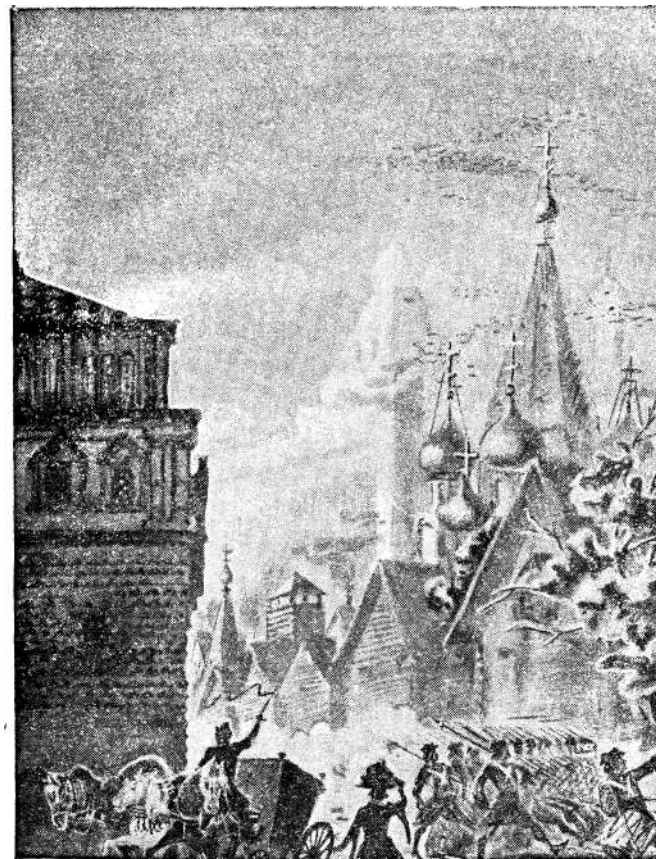
— Ума рехнулись! — закричал один из всадников. — Не видите, что ли? Едет знатный боярин Троекуров к государыне царице Наталье Кирилловне! Какой еще вам пропуск?

— Браниться не велено, — ответил караульный, — а без пропуска не пустим.

На шум перебранки подошел «капитан» — загорелый мальчишка лет шестнадцати в треуголке, лихо надетой набекрень.

В эту минуту дверца кареты приоткрылась, и показалась огромная боярская борода. Белая рука, унизанная кольцами, неторопливо ее поглаживала.

8

УТРО
В МОСКВЕ
XVII В.

SCAN

Grant

— Без пропуска нельзя, — упрямо сказал капитан. — Таков генеральский указ.

— Федька, — прогудел боярин густым басом, — побойся ты бога, родного отца не узнал! Погоди, уж я до тебя доберусь! Я те покажу с коныховыми детьми в игрушки играть!

Молодой капитан, однако, не смутился.

— Ничего не знаю, — сказал он. — Отец ли, чужой ли человек, а только для проезда на полков-

вой двор надобен пропуск, а по-другому называется пароль. И кто того пароля не знает, велено та-

щить в съезжую избу¹, и пушай господин генерал сам разберется. А мы караул, у нас указ есть.

— Меня, боярина Троекурова, в съезжую избу? Видать, у тебя, парень, в голове шумит. Не поеду!

Капитан нахмурился:

— Как знаете, а только пустить не могу.

— Отца родного! Срам! Навеки срам перед людьми!

— Ежели кто будет шуметь или браниться, — сказал капитан, — то указано бить в барабан и все войско поднимать к ружью.

Боярин зажал бороду в кулак и минуты две разглядывал своего сына.

---

¹ Съезжая изба — административная канцелярия, в которую приводили в чем-либо провинившихся людей.

— Новомодные обычаи: кафтан до колен, рукава до ладоней, на голове гнездо воронье! Разодел боярского сына!

— У нас таких слов не любят, — спокойно ответил капитан. — Мы государево войско, а кому не нравится, милости просим — до Москвы три версты.

— Охальник! — рявкнул боярин. — Погоди уж, доберусь до спины твоей! Вези отца родного на съезжую! Согласен!

Капитан сделал знак караулу, и карета своротила направо, по «Генеральской улице», в конце которой возвышался деревянный дом с башенкой. Над башней трепетало большое знамя. Это и была съезжая изба, штаб потешного войска¹.

Боярина отпустили не скоро. Его спросили подробно, к кому и за каким делом едет и надолго ли.

Солнце поднялось уже высоко над Яузой, когда Троекурова ввели в комнаты царицы Натальи. Царица показалась из маленькой двери, и все поклонились ей в пояс.

Боярин сразу принес жалобу, что его-де, родовитого боярина, потащили в съезжую избу, на допрос, и кто же? Не кто иной, как собственный сын! И что он, боярин, просит непокорного сына

---

¹ Потешное войско — детское войско Петра I, состоявшее из его сверстников.

отпустить из полка к нему, родителю, на исправление, чтобы сын и вовсе не отбился от родительской власти.

Царица Наталья, не старая еще женщина, с большими, вечно испуганными глазами на бледном лице, вздохнула и потупилась.

— Проси его царское величество, — сказала она тихо. — Царю Петру всего шестнадцать годов, а уж он и сам-то от родительской власти отошел. Видишь, у нас вся жизнь по пушке да по ба-рабану. Мы, матери, тут не хозяйки. Того и гляди, в воинской потехе шею свернет или в Язу свалится. Разве за ним уследишь?

Но боярин не мог успокоиться. Он перечислял все свои заслуги, возмущался новыми порядками, ругал пушечную забаву и фейерверки, которыми честным людям бороды палят, бранил зеленые мундиры, треугольные шляпы и короткие рукава. Он требовал, чтоб сына вернули к обычной, спокойной жизни, как исстари повелось, чтоб мальчик сидел взаперти, под родительским наблюдением, свято соблюдал посты и празднике и женился вскоре на той девице, которую ему родители подберут. Да и пора его женить — уж ему шестнадцать лет! Статочное ли дело, чтоб такой взрослый парень в военные игрушки играл с солдатами, набранными из простого народа, из детей конюхов и слуг?

12

SCAN

Grant

Тут дверь раскрылась, и в комнату широкими шагами вошел бомбардир¹ Петр Михайлов, очень высокий, худощавый юноша с блестящими черными глазами. Это был тот самый юноша, которого мы видели при штурме игрушечной крепости Пресбург. Все находившиеся в комнате поклонились в пояс.

— Что, боярин, — сказал Петр, — не нравится тебе мое хозяйство?

— Помилуй, государь... — пробормотал боярин, не зная, что ответить.

Это был царь. Только он поступил на военную службу простым пушкарем под именем Петра Михайлова. Ему тогда было шестнадцать лет, и больше он из армии не уходил до самой смерти и дослужился до генеральского и адмиральского званий. Так вот, Петру не понравились боярские речи, но он не стал вздорить с боярином, который был старым другом его матери. Он усмехнулся и, прищурив глаза, поглядел на длинную бороду Троекурова.

— Слышал я твою просьбу, — сказал он. — Изволь, возьми своего сына. Посади его в курятник и расти с курами. Только сам-то он, чай, не большой охотник ехать с тобой в родительский дом.

---

¹ Бомбардир — звание нижнего чина в артиллерии петровской армии, соответствовавшее ефрейтору в пехоте

13

— Государь, власть родительская от бога, — ответил боярин, — и не моего Федьку о том спрашивать. А что до...

Но Петр его не дослушал. Обернувшись к матери, он объявил, что генерал приказал выехать в соседнее поле и производить на нем пушечную стрельбу и чтоб мать велела своим людям сидеть смирно и не пугаться великого пушечного грома.

Мать вздохнула и ничего не ответила. Петр поклонился ей и, меряя ковры своими длинными худыми ногами, вышел за дверь.

Он направился в Капитанский дворец и возле крыльца встретил капитана, Федю Троекурова, который вел свой караул на смену.

— Федор, — сказал царь, — приехал за тобой отец. Не нравятся ему наши дела. Хочет он тебя

забрать из полка и посадить в терем с няньками, чтобы ты ел, спал и звезды считал, пока тебя не

женят. Нравится тебе такая жизнь?

— Не нравится, господин бомбардир, — твердо ответил шестнадцатилетний капитан.

Петр подошел поближе к Троеурову.

— Отказать боярину — матушку обидеть. Значит, надобно тебя отдать отцу.

Федя молчал. Его загорелое лицо побледнело.

— Не изволь, государь, меня выдавать, — прошептал он. — Что мне в тереме-то делать? Я капитан!

14

SCAN

Grant

- Тогда вот что, — Петр еще более приблизился к Феде: — Беги!

— Как бежать, господин бомбардир?

— Скройся, куда знаешь, чтоб я тебя не ви-

дал до праздника. А я тут боярина-то уломаю. Авось, сменит гнев на милость. Понял?

— Как не понять, понял, господин бомбардир.

— Как сменишься с караула, чтоб я тебя больше не видал. Ступай!

И Петр, посмеиваясь, вошел в Капитанский дворец.

К вечеру капитан Федор Троеуров пропал. После обеда начали палить пушки; густой дым пополз с поля и окутал дворец и Генеральскую улицу и другие улицы, на которых вытянулись линейками «ротные дома» потешного войска. Боярин сидел у себя, запахнув окна, и крестился на иконы. В густом дыму трудно было разыскивать пропавшего. Обыскали все село, но капитана Федора и след простыл.

Вечером, когда солнце уже закатилось, беглый капитан пробрался огородами к реке Яузе и долго стоял на берегу, свесив голову.

Итти мостом он не мог, потому что на мосту стоял караул. Он помедлил немного, вздохнул и прошептал:

— К Лешке пойду, в Измайлово! Эх, вода-то холодная!

15

Он взмахнул руками и отчаянно бросился в воду. Часовой на мосту крикнул: «Кто идет?», но никто ему не ответил.

Утром боярину доложили, что сына сыскать не могут и что царица приказала искать его в Измайлове.

2. ЗАБАВЫ РЕЧНЫЕ

В селе Измайлове, возле сарая, на Лыняном дворе сидел светловолосый парнишка лет двенадцати, смотрел на небо и пел:

Из-за моря, моря синего,
Из-за глухоморья зеленого
От славного города Виденца,
От того-де царя ведь заморского,
Выбегали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей и один корабль...

По синему небу медленно шли крутые белые облака. Они выходили пышной стаей из-за крыши сарая, куда-то на северо-запад, к далеким берегам, к далеким землям – туда, куда их гнал ветер.

Мальчик перевел глаза на сарай, старый, темный, с покосившейся соломенной крышей. В тишине чуть слышно шелестели за тыном¹ березы,

¹ Тын —забор.

² Дедушка русского флота

Двор был пуст и заброшен. Когда-то здесь хозяйничали управители важного боярина Никиты Романова, но с тех пор прошло много лет, и в этот запущенный угол редко заглядывали люди.

В сарае громко закудаhtала курица. Затем раздался тихий стук — мальчик постучал пальцем в стенку. Вероятно, это был условный знак, потому что изнутри ответили стуком же. Потом тихий голос из сарая спросил:

— Никого не видать?

— Никого... вылезай. Нет, стой! Идут! Светловолосый мальчик мгновенно принял прежнее положение, поглядел на облака и запел:

Посмотрят казаки,
Они на море синее,
От того зеленого
От дуба крековистого
Как бы бель забелелась —
Забелелися на кораблях
Паруса полотняные...

— Нишкни, ирод! — раздался резкий женский голос. — Я тебя зачем посадила? Хохлатку стержи! А ты песни поешь! Да и какие песни! За такую песню, олух, тебя в Москву да в царский застенок...

— Отчего, матушка? — спросил мальчик, равнодушно глядя на коренастую женщину со вздерну-

18

тым широким носом, которая стояла перед ним, уперев в бока свои крупные загорелые кулаки.

— Оттого, что песня казацкая, вольная, ее петь не велено.

— Да ведь это отцова песня!

— Молчи, ирод! Про отца-то своего поменьше рассказывай! Неровен час, услышит кто... С кем ты тут говорил?

— Ни с кем.

— Прешь, ирод! Я сама слышала голос чужой. Кого ты прячешь?

— Да я никого, матушка...

Женщина рванула дверь сарая. Дверь с тяжелым скрипом распахнулась. Внутри сарая, в темноте, снова закудаhtала курица.

— Снеслась, ей-богу снеслась! — с торжеством объявила женщина.

Она нырнула в темноту и через несколько минут появилась с большим белым яйцом на ладони.

— Уже давно снеслась, а ты сидишь, лодырь, песни поешь! Да все про корабли да про казаков...

Женщина боязливо оглянулась и перекрестилась.

— Я из тебя отцову дурь-то повышибу! Не для того люди на суше рождаются, чтоб по морям плавать. Рыба в воде, а человек да курица — на сухо-

19

путье. А кто на воде плавает, тому не сносить головы. От Москвы до моря год прошагаешь, не дойдешь. Ты смотри у меня!..

Женщина погрозила мальчику кулаком и торопливо зашлепала к дому.

В сарае послышался шорох, и прежний голос спросил:

— Лешка, а Лешка! Ушла?

— Ушла.

— Вылезать?

— Сиди. Нынче день беспокойный.

У Лешки Бакеева была очень сердитая мать. В молодости была она замужем за понизовым казаком¹, который прибежал в Москву с Волги после казни лихого атамана Стеньки Разина. Не сносить бы головы Бакееву-старшему, да никто его не знал в этих краях, и он правильно рассудил, что лучше податься на Москву, чем бродить по Волге, где его в конце концов схватили бы царские стражники. Так он и прожил свой век в Измайлове сторожем на заброшенном Льяном дворе, мастерил удочки, ловил рыбу в Измайловских прудах, старался никому на глаза не попадаться, в церковь исповедоваться не ходил, а если его спрашивали, откуда он родом, то отвечал, что из Муром. Да он и в самом деле был ив Муром.

---

¹ Понизовые казаки — казаки с низовья Волги.

От него Лешка слышал множество песен и рассказов про синее море, про белорудые паруса, про казачьи лодки, про то, как горел город Астрахань на Волге, как казаки уничтожили царский корабль «Орел» и как славно они пировали. Весной, когда пал Москвой шли с северо-востока низкие черные тучи, когда на Яузе начинал трещать лед и ветер сотрясал соломенные кровли в Измайлове, у Лешкиного отца начинался приступ тоски.

Он без конца говорил о том, как пройдет лед, как задует ветер, как пойдут с низовья караваны с солью и рыбой, с персидским шелком и с бусами, а с севера повезут пеньку, полотно и лес; как дождятся ветра тяжелые суда на Москве-реке и Оке и как в затонах по ночам горят костры. Мать бранила отца, топала ногами, проклинала тот день, когда вышла за него замуж, упрашивала хотя бы невинное дитя пощадить и не рассказывать ему сказок про удалых молодцов да про дальние края. Когда Лешке было семь лет, отец умер, а мать раз навсегда запретила ему поминать отцовы сказки. Но Лешка не забыл ни одного слова. Мальчик он был молчаливый и задумчивый. Часами сидел он на пустом дворе, глядел на облака, вдыхал полной грудью весенний ветер и запах сырого дерева от намокших после дождя бревен.

Он тайно играл в казаков. Когда матери не было, он, размахивая самодельной саблей, брал при-

ступом сарай и испускал боевой казачий клич: «Сарынь на кичку!»¹. Затем он врвался в сарай, где испуганно кудахтали куры, и брал в плен хохлатку.

В глубине сарая стояло в пыли и мраке какое-то странное сооружение: это была лодка, но не такая, какие ходили по Москве-реке. Лодка была иноземная, узкая, длинная, с красивыми крутыми боками. На ней торчала, упираясь в стрехи сарая, мачта. Реи² были обломаны, руль наполовину сгнил. На носу было когда-то выведено золотой краской название, но оно стёрлось. Остался только красно-зеленый нарисованный глаз, который, как казалось Лешке, светился в темноте. Внутри лодки была крошечная каютка, вся заваленная мусором и соломой. Палуба была только на корме, и та косая. На борту и на остатках рея любили сидеть куры. Лешка сгонял их, но куры считали эту странную штуку в сарае своей собственностью, тотчас же садились снова и пачкали палубу.

— Киш отсюда, хохлатые! — кричал на них Лешка. — Куда вам, курам, на кораблях плавать! Вы и летать-то не умеете!

---

¹ «Сарынь на кичку!» — «Бурлаки, на нос судна!». По преданию, команда, принятая у волжских разбойников после захвата судна.

² Реи — поперечное дерево у мачты, которое служит для крепления прямых парусов.

Куры быстро моргали, самодовольно глядя на Лешку — смотри, дескать, какой у нас высокий насест, выше ничего на свете не бывает.

Лешка взбирался на эту лодку и, прислонившись к мачте, чтоб не скатиться с косой палубы, командовал:

— Парус поднять! Смотри в оба — купец идет! Пищали¹ и сабли изготвь! Правее держи! Еще правее! Спускай весла на воду! Выгребай сильнее, братцы, а то уйдет! А ну, за мной!

И Лешка бросался в бой. Но тут мать приходила к курам, и Лешке приходилось уходить на двор. Он садился на кучу бревен и пел вполголоса, глядя на небо.

Так и сейчас. Только мать ушла и Лешка замурлыкал вполголоса ту же песню, как вдруг перед ним выросли два человека.

Один из них был высокий юноша в зеленом кафтане. На шее у него был повязан белый шарфик, на ногах были сапоги выше колен. За ним с трудом поспевал тучный иностранец с толстым, гладко выбритым лицом.

У иностранца на жирных ногах были белые чулки и туфли с пряжками. На голове у него торчала плоская круглая шляпа, словно не надетая, а поставленная на голову.

---

¹ Пищаль — старинное русское название длинного, тяжелого ружья.

– Ты кто? – спросил юноша, подбегая к Лешке стремительной прыгающей походкой.

– Я сторожев сын, – сказал Лешка, низко кланяясь странно одетому юноше.

– Звать как?

– Лешка.

– Ты что пел?

Лешка покраснел до корней волос.

– Эта песня мореходная, – сказал он. – Это про ладьи.

– Я слышал, что мореходная. «Забелелися на

кораблях паруса полотняные...» – а дальше как?

Лешка поглядел на юношу исподлобья. Юноша смотрел не строго. Губы у него сложились в усмешку. Живые черные глаза смеялись.

– Ну, что ты молчишь? Не бойся.

– Матушка не позволила таковы песни петь.

– А я позволяю.

Лешка вздохнул.

– Дальше так поется: «А не ярые гагали¹ на сине море выплыли, выгребали тут казаки среди моря синего...»

– Казаки?

– Мейнгер² Питер, – резко сказал иностранец, – не слушайте эту песню: это воровская песня!

¹ Гага ли (гаги) — крупные морские утки. ² Мейнгер — по-голландски «мой господин».

– А ну, дальше, дальше-то!..

– Дальше забыл, – сознался Лешка.

– Эх ты, певец! А что за сарай?

– Боярина Никиты Ивановича покойного...

– А что там?

– А так, хлам всякий.

Куры закудахтали в сарае.

– Курятник, что ли?

– Пойдемте, мейнгер Питер! – сердито сказал иностранец. – Тут нет ничего примечательного.

Юноша повелительным жестом указал на сарай:

– Открой!

– Не указано открывать, – пробормотал Лешка, боязливо оглядываясь.

– Кем не указано?

– Царевы люди не велят.

– А я велю. Ну!

Юноша нахмурил брови. Видя, что Лешка колеблется, он подбежал к двери и распахнул ее. Куры испуганно закудахтали.

– Что это? Мастер Тиммерман, погляди-ка! Тиммерман подошел поближе, посмотрел и произнес не торопясь:

– Это английский бот.

Юноша схватил Тиммермана за руку и почти силой втащил его в сарай.

– Какой бот? Зачем? Куда пригужается?

— Ходить по воде, — отвечал Тиммерман, брезгливо стряхивая с туфель солому и куриный помет.

— Чем лучше наших лодок?

— Ходит на парусах, — сказал Тиммерман, — и не только по ветру, но и против ветра.

— Как против ветра? Врешь ты, мейнгер! Такого не бывает.

— Верно так, — сказал Тиммерман, обиженно надувая толстые щеки и шею.

Юноша легко вскочил на борт и потрогал мачту.

— Поедем! — сказал он.

Лешка слушал этот разговор ни жив ни мертв. Он с опаской поглядывал на крошечную каютку бота.

— Дозволь сказать, княжич, — с трудом выдавил из себя Лешка: — лодка гнилая, плыть на ней нельзя, она утопнет.

— Починим! — весело сказал юноша. — А что там, под палубой?

Лешка затаил дыхание. Он закрыл лицо рукавом, обернулся к стене сарая и вобрал голову в плечи.

Юноша нырнул под палубу. Послышалась его удивленное восклицание, и он вылез, держа за шиворот какого-то мальчика в грязном потешном мундире. Этот мальчик оказался капитаном Федором Троекуровым.

Юноша расхохотался.

— Вот ты где прячешься, Федор! А тебя по всему Измайлову царицыны люди ищут! Хитрец!

— По вашей воле, господин бомбардир, — мрачно проговорил Федор.

— Кто же тебя кормит?

— А вон парень, Лешка Бакеев, сторожев сын. Такого страха я набрался, сил нет. Приходили сюда стремянные¹ весь сарай обшарили. А я в лодку спрятался. С тех пор в ней и сижу.

— Отец твой упряма, как колода, — сказал юноша-бомбардир: — вынь да положи ему сына! Он до того меня доведет, что я его прогоню. Ну что ж, сиди! А бот я велю забрать, мы его на Язу спустим. Эй, поди сюда, парень! Мы люди свои. Ежели хорошо послужишь, будет тебе награда.

Лешка смотрел на его смеющееся лицо и растрепанные ветром длинные волосы. Этот парень с каждой минутой ему все больше нравился.

— Мейнгер, — сказал юноша, — вели бот вытащить на Язу.

— Нельзя, — сердито ответил Тиммерман, — он поврежден. Его надобно умеючи починить, приделать мачту, потом натянуть снасти и паруса.

---

¹ Стремянные — стрельцы, доставлявшие царскую стражу.

— Нет ли человека такого, который умел бы все это сделать?

Тиммерман сдвинул шляпу на затылок.

— Есть.

— И ход покажет?

— Покажет.

— Кто таков?

— Карстен Брандт, старик, родом голландец, как и я.

— Кто же этот старик?

— Служил пушкарем на корабле «Орел» под командой капитана Бутлера. Ходил в Астрахань.

— А нынче чем занят?

— Плотничьими поделками.

— Приведи его ко мне!

Юноша повернулся к Лешке:

— А ты оставайся, сторожи Федора. Что ты такой печальный?

— Господин бомбардир,—сказал Лешка, низко опустив голову, — ты приказываешь бот вынести...

— А тебе он зачем нужен? Ты на нем плаваешь, что ли?

— Я на нем играю...

— Во что же ты играешь? Лешка хотел сказать «в казаков», но язык у него не повернулся.

— В море.

Юноша расхохотался звонко и искренне.

28

SCAN

Grant

— Так ты мореход? Ладно, изволь, придет время, возьму тебя вместе с ботом. Мое слово верное. Доволен?

Лешка не отвечал. Юноша потрепал его за висок и обернулся к голландцу:

— Гей-гей, за мной, мейнгер! Дело есть!

И он побежал прыгающей походкой так быстро, что тучный Тиммерман едва поспевал за ним.

Когда бомбардир ушел, Лешка подбежал к Федору и спросил у него топотом: — А он не расскажет?

— Кому?

— Кому! Царицыным людям!

— Нет, не расскажет. Он не таков.

— Кто он? Небось, боярский сын?

— Нет, это сам царь Петр, — торопливо сказал Троекуров. — Скорее запирай ворота, я слышу, опять кого-то несет!

Это была Лешкина мать. Она накинулась на Лешку, который в остолбенении глядел вслед юноше-бомбардиру:

— Ты с кем тут говорил?

— Я... я ни с кем. Тут не было никого.

— Ан нет, я двоих видела! Оба в заморском платье. У меня, чай, не на спине глаза. Что-то здесь неладное творится у нас в сарае! Ну, погоди маленько, уж я из тебя отцову дурь-то повышибу! Дай срок!

29

Мать погрозила Лешке своим могучим кулаком и скрылась за домом.

Лешка сразу почувствовал недоброе, но удержать мать был не в силах. Он тщательно запер дверь сарая и пошел к пруду, свесив голову. А беглый капитан Троекуров сидел в темноте, подперев лицо обеими руками, и слушал, как куры кудахчут над его головой.

На следующее утро пришли два молодца в кафтанах и шапках, шитых золотом. У одного была борода русая, у другого — темная. Тот, который был потемнее, держал в руке большую алебарду¹.

— Сторожиха ты? — спросил он Лешкину мать.

— Я, батюшка...

— Намедни ты приходила с жалобой?

— Я, батюшка!

— Ну вот, приказано у вас на Льяном дворе караул держать нам с Андрюшкой, так что неси, что в печи есть! Водка есть?

— Да я, батюшка...

— Неси, неси — а то я тебя!

Лешкина мать поохала, поторговалась и вынесла стражникам ушат пива и кадушку соленой рыбы. Они закусили, оглянулись и, заметив Лешку, замахали ему руками:

---

¹ Алебарда — длинное копьё с топорovidным лезвием различной формы.

— Вишь, матушка-то твоя на свою голову назвала! Теперь пушай стонет. Огоньку нет ли? Поди принеси.

Лешка принес кусок каната, зажженный у очага. Тот, что потемнее, достал из-за пазухи длинную тростниковую трубку, воровато оглянулся и закурил, смахивая дым ладонью.

— Не проведали бы во дворце, Матюха! — сказал ему его товарищ. — Грех велик, за табак кнутом бьют.

— Ничего, парнишка не скажет. Эй, парень, молчать будешь?

— Буду, — ответил Лешка. — А вы зачем пришли?

Стражник затаился и сказал важно:

— Приказано нам сторожить, не объявится ли

где беглый боярский сын Федор Троекуров. Старуха-то твоя, шило ей в бок, говорила намедни,

что, дескать, по Льяному двору ходят чужие люди, так мы...

— Матюха, — сказал тот, что посветлей, — а не сыскать ли в сарае?

— Сыскано, — сказал Лешка, с трудом глотая слюни, — да нечего не нашли.

— А может, сыскать?

— Ищите, — сказал Лешка, набравшись отчаянной храбрости. — Только там неладно.

— А что?

— Кто-то по ночам стучит.
Стражники переглянулись. Тот, что посветлее, перекрестился.
— Кто же это?
— Не знаю. А только стучит.
— Тьфу! — сказал тот, что потемнее. — Ну и пушай стучит. Нам велели сторожить, а не искать. Нечистая сила, тьфу! Поди, парень, к матери, скажи, что пива мало. А ежели не даст, то мы ей всю печь разворотим.

Лешка обежал кругом сарая, нашел щелочку, постучал и шопотом сказал беглецу, чтобы он выбирался поскорее через дыру, где доска поотстала, и бежал бы в лес. Но, к его удивлению, Федор устало ответил, что он никуда не пойдет и останется в ботике хоть до зимы.

— Тут и буду сидеть, — сказал Федор. — Пропаду, а никуда больше не пойду! А водицы принеси испить.

Но недолго пришлось Федору сидеть, а молодцам сторожить. К полудню раздался звук барабана, и на Льяной двор вошла целая рота преображенцев в форменных кафтанах. Впереди шел офицер. Он показал молодцам приказ, свернутый в трубочку.

— Генерал, князь Ромодановский, приказал взять из сарая иноземную лодку и до Яузы дотащить.

32

СТРАЖНИКИ
НА ЛЬНЯНОМ ДВОРЕ

SCAN

Grant

Молодцы читать не умели, а Ромодановского боялись. Но все-таки уйти они не решились и остались сидеть на бревнах, хмуро поглядывая на солдат.

С солдатами пришел крупный старый, осанистый голландец с белой подстриженной бородой и розовым лицом. При нем был помощник, молодой человек лет двадцати пяти. Оба шли важно, величественно опираясь на суковатые палки. Старший был Карстен Брандт, пушкарь и матрос, строивший двадцать лет тому назад корабль «Орел» на Оке.

Много приключений пришлось пережить старику.

Он плавал по Волге, палил из пушки по мятежным казакам в Астрахани, видел, как горел построенный им корабль, бежал из Астрахани на лодочке, скитался по Кавказу и Персии и наконец с трудом добрался до моря, откуда голландский корабль доставил его на родину. Но скучно было ему на родине. Он бросил все и вернулся в холодную страну москвитов, в страну, которая стала для него второй родиной, без которой он жить не мог.

Брандт осмотрел ботик снаружи. Он ощупал обшивку, постучал палкой по палубе, по основанию мачты, по лопасти руля. Потом он вздохнул и сказал:

Знатный был когда-то бот. Хорошей английской стройки. Починить его можно. Такое дерево столетиями живет. Кто знает, может быть и триста и четыреста лет проживет. Хорошо бы днище обшить медью, как теперь делают, а, Корт?

Его помощник, Корт, подтвердил, что это было бы даже слишком хорошо.

На дворе закипела работа. Солдаты наташили бревна, положили их вдоль пути до Яузы и взялись за бот.

Впервые за много лет корабль увидел солнце. Под крики работающих он выпрямился, как человек, встающий с кровати после долгой болезни, и торжественно, чуть покачиваясь, выплыл на лужайку. Мачта на нем была сломана, сгнившие веревки висели по бортам, от реев остались жалкие обломки, краска слезла, петли руля покрылись ржавчиной, но все-таки бот был красив. Длинный, с четкими, плавно очерченными боками, весь устремленный вперед, он шел на канатах по бревнам, над яркозеленой травой, гордо рассекая воздух, как будто дышал полной грудью. Старик Брандт глядел на него, прищутив глаза и склонив голову набок.

— Такому кораблю славных капитанов носить,— сказал он задумчиво. — Но, может быть, Питер и будет славным капитаном... Как вы думаете, Корт?

Корт подтвердил, что царь Петр удивительно умный, храбрый и предприимчивый юноша, хотя и не родился у моря.

— Ну что ж, — сказал Брандт, — пусть хотя бы познакомится с кораблем. Кто знает, что ждет его в будущем.

Бот перетащили к Яузе и поставили под навес. Вокруг него собралась ватага мальчишек. Ребята шести-восьми лет стояли, засунув пальцы в рот, и глазели на диковинное судно. Кто-то предположил, что потешные ночью сядут на этот корабль и поплывут на нем до самого моря. Говорили, что и сам царь, в голландском платье, собирается вести их в дальний поход и что вернутся они лет через десять, не раньше, если не утонут.

Лешка Бакеев стоял поодаль. Им снова овладело беспокойство: Федор куда-то исчез, в сарае его не было. Убежать он не мог — на дворе его заметили бы стражники. Лешка несколько раз бегал от Яузы к Льянному двору и обратно. Никаких следов Федора не было.

Начинало уже вечереть. Возле бота никого не осталось. Вдруг Лешка услышал шорох, и знакомый голос произнес:

— Леша, принеси чего-нибудь поесть! У меня в брюхе урчит.

Это был Федор. Он вылез из бота, вздохнул и расправил плечи.

36

SCAN Grant

— Как ты сюда попал?
— Я внутри сидел. Меня вместе с ботом вынесли из сарая.

— Что же ты не убежал?

— А куда мне бежать? — лениво сказал Федор. — На дворе стражники, не убежишь никуда. Я сидел в лодке, меня и вытащили. Голландский мастер меня заметил, да он, наверное, знает про меня. Поглядел, засмеялся и ничего не сказал. Стало быть, я теперь тут и останусь, под навесом-то...

— А ты беги обратно, в сарай!

— Никуда я не пойду, — сказал Федор. — Меня из этого сарая, как карася, выловят. А вокруг лодки будет потешный караул. Еще и кормить будут. Эх, принеси, братец, поесть да почешу промеж лопаток, а то спина с утра зудит! Ну, тяжела жизнь у мореходных людей!

Так начал свою морскую жизнь капитан Федор Троекуров.

На следующий день мастер Брандт с помощником взяли за бот. Навес окружили забором. Оттуда целый день доносились туканье топоров и визг пилы. Вокруг забора стояли потешные караулы и никого туда не пускали.

В конце недели забор разобрали. Бот преобразился: он был вычищен, подкрашен; руль был при-

37

лажен новый; спереди торчала балка бушприта¹, палуба сияла свежими, новыми досками; над ботом высилась новая мачта. Парусов и веревок еще не было.

Брандт стоял возле бота с засученными рукавами, с глиняной трубкой в руках.

— Эй, мальчик, — крикнул он Лешке Бакееву, — это не ты ли сторожил сарай на Льянном дворе?

— Я, — застенчиво сказал Лешка.

— Подойди поближе. Сегодня будем бот спускать на воду. Хочешь нам помогать?

Лешка боязливо оглянулся.

— Чего боишься? Воды?

— Нет, — ответил Лешка, — я воды не боюсь, а боюсь матушки.

Брандт улыбнулся:

— Ничего, мальчик, мать не забранит. Ее царь Питер живо успокоит. Мне нужны люди. Тут уже один моряк есть. Только он моряк по несчастью и, кажется, к воде не привык. Ступай к нам. Для начала принеси канат. Не бойся, я тебя не съем.

Таким образом Лешка оказался в подмастерьях у корабельного мастера. Брандт был человек строгий, он не любил лодырей, но за хорошую работу хвалил и даже подарил Лешке картинку, на кото-

¹ Бушприт, или бугшприт, — горизонтальное или наклонное дерево, выдающееся с носа корабля.

рой красками был нарисован корабль «Орел», построенный когда-то на Оке. Его помощник Корт научил Лешку плавать по-матросски и нырять на самое дно реки. К тому дню, когда бот был, под салют потешного караула, спущен на Язу, Лешка стал уже заправским моряком. Он знал все названия частей корабля и гордо говорил: «у нас на борту». Мальчишки смотрели на него с уважением и ужасом. Мать ругала сына и предсказывала дурную судьбу за то, что связался с мореходами, людьми темными и безбожными.

Федор Троекуров работал мало. Он больше прятался и с нетерпением ждал указа выходить на волю. Но Петр был занят.

Привезли две новые пушки, и с потешного поля по целым дням доносились гулкие удары и тянулся дым.

Наконец бот был готов. Вдоль борта потянулась красная кайма. На ней золотом было выведено название: «Святой Петр», а на носу был зеленью нарисован человеческий глаз.

Лешка учился тянуть веревки и поднимать парус. Однажды к вечеру Брандт пришел из Преображенского веселый и сказал, что утром Петр будет осматривать бот, а затем бот поплывет по Язуе.

— А тебе, Федор, завтра будет свобода, — прибавил он. — Кажется, отец твой сменил гнев на милость и разрешил тебе остаться здесь.

Утром на берегу постлали ковер и поставили кресла для почетных гостей. Когда солнце поднялось, забили барабаны и заиграли трубы. Потешные роты выстроились на берегу. Под звуки музыки явился Петр, в новом кафтане, с золотой шпагой на красной перевязи. За ним следовали генерал Ромодановский в парадной форме и боярин Стрешнев. Со стрелецким караулом приехал и боярин Троекуров. Они заняли кресла на берегу.

Лешка был на своем месте, у паруса. Корт стоял с топором, готовый обрубить канат. Брандт поднял вверх пивную кружку и провозгласил тост за здоровье его царского величества и за благополучное плаванье. Он осушил кружку залпом и бросил ее за борт. Петр подал знак, и под гром пушек первый российский военный корабль отвалил от пристани.

Бот медленно плыл по Яузе, мимо берегов, заросших густым раkitником. На берегах толпились дворцовые слуги без шапок и с немым восторженным удивлением смотрели, как бот, спустившись немного по реке, повернул и пошел обратно против ветра.

Петр стоял на берегу. Глаза его сияли. Когда бот прошел мимо пристани, он замахал Брандту шляпой. Петр был так увлечен, что не обратил никакого внимания на боярина Троекурова, который

40

SCAN Grant

что-то ему говорил, кланяясь и указывая палкой на бот.

Боярин указывал на Федора. Беглый потешный капитан не выдержал заточения, вылез на палубу и сразу был замечен отцом.

— Сюда, мейнгер! — кричал Петр. — Причаливай! Я сам с тобой поеду.

— Государь, — сказал Стрешнев, — негоже царю по воде ходить, не было такого на Руси.

— Как не было? — ответил Петр. — Не вы ли с Никитой Зотовым рассказывали мне про великого князя Олега, как он под самый Царьград ходил? Не мешай, Тихон! Сюда, мейнгер! Причаливай!

Брандт причалил. Петр прыгнул в бот и стал возле корабельного мастера. Брандт снова пошел вверх по реке. Петр бросил шляпу на дно лодки и взялся за веревки.

— Оставьте парус помощникам, мейнгер Питер, — сказал старик, — и станьте лучше возле руля. Вот так!

Петр взялся за руль и под руководством Брандта стал направлять бот.

Лодка быстро и бесшумно понеслась вверх по течению.

— Вот это мне любо! — сказал Петр, глядя на мелькающие зеленые кусты на берегах. — Так бы век ездить. А теперь повернем.

41

Бот свернул налево, но поворот был слишком крут, и юный рулевой не рассчитал. Раздался скрип, и дно бота зачертило по песку. Судно вздрогнуло и остановилось.

— Так, — сказал Брандт и вынул изо рта трубку, — сели на мель. А ну-ка, Корт, попробуй шестом.

Но Петр выхватил шест из рук помощника и, налегая на него со всей своей огромной силой, попытался снять лодку с песка. Бот качался, но не сходил.

— Бакеев, лезь в воду, — сказал Брандт. — Хорошо бы, если бы боярский сын тоже не сидел без дела. На корабле лишних людей не любят.

Федор молчал. Он боялся воды. Даже мыться он был невеликий охотник.

— Эх, ты, курица! — сказал Петр. — Стой, я полезу.

Он было начал раздеваться, но Брандт жестом остановил его. Федор снял сапоги, засучил штаны выше колен и спрыгнул за борт.

— Навались! — кричал Петр. — Еще навались! Сходит!

Бот шуршал по песку. Наконец он качнулся, ушел немного носом книзу и вдруг вольно всплыл, словно обрадовался свободе. Мальчики полезли обратно в лодку. Лешка так ретиво выскочил из реки, что плеснул водой Петру на плечи. Петр

рассмеялся. На его возбужденном смуглом лице высыхали капли.

— Отчего это случилось? — спросил он.

— Вода мелка, узко, — ответил Брандт.

— Где бы пошире?

— Можно на Просянном пруде, в Измайлове.

Там пошире.

— А где еще пошире?

Брандт наморщил лоб и думал долго.

Вдруг раздался голос Лешки:

— Господин бомбардир, дозвожь сказать...

— Говори, — сказал Петр, глядя на него с нетерпением. — Ну?

— Сказывают, на Плещеевом озере воды много.

— А где оно?

— Отсюда верст за сто с лишком, за Троице-Сергиевой лаврой, под городом Переславлем.

— А ты там бывал?

— Сам-то не бывал, а отец ходил.

— Кто твой отец? Сторож, что ли?

Лешка хотел было сказать: «Вольный казак-мо-реход», но сдержался.

— Отец сказывал, что на Плещеевом озере бури бывают, а другого берега и вовсе не видать. А живут там рыбаки, народ водяной. А раньше жили там нерусские люди, назывались «весь», и от них могилы большие остались.

Петр посмотрел на голландца. Тот одобрительно кивнул головой.

— А не потонет бот?

— Нет, ваше величество, — усмехнулся Брандт, — он и на море не потонет, если на нем будет хороший моряк.

Петр задумался. Бот снова приближался к пристани. Федор смотрел на берег с беспокойством — там не было его отца.

Брандт причалил. Петр вышел на берег.

— До чего любо! Тихон, — воскликнул он, — на воде лучше, чем на земле! Теперь я на воде жить буду, как водяная птица.

— Государь, — сказал Ромодановский с поклоном, — боярин Троекуров во гневе, что сына на лодке увидел, все свои прощенные слова обратно взял и побежал к государыне царице челом бить.

Петр нахмурился:

— Ишь, неумный старик! Кабы не матушка, выгнал бы его взащей из Преображенского. Федор!

— Я, государь!

— Иди в Капитанский дворец. Будешь по морскому делу обучаться. И ты, Бакеев. Прикажи, господин генерал, взять его сержантом в потешное войско и выдать ему кафтан форменный и штаны алые. А должность его будет для водяной забавы — сторожить бот, доколе цел будет. Про-

щай, мейнгер, вечером приходи во дворец, ты мне надобен.

Вечером Петр, стоя у открытого окна, перебирал «фряжские листы» — пестро раскрашенные картинки иноземного изделия.

Па одной из них был изображен корабль на надутых парусах, а кругом него теснились изображения слонов, которые держали в хоботах людей, верблюдов с всадниками в чалмах, городов с башнями в десяток этажей, пальмовых лесов, лодок с флажками. Петр рассеянно водил пальцем по картинке.

— Ты еще мне расскажи, мейнгер, про свои места.

Брандт говорил не торопясь. Он рассказывал про Голландию, где корабли ходят по каналам, проведенным так высоко, что днище корабля плывет выше колокольни; говорил про замерзшие зимой озера, по которым ездят на коньках под парусом; про купеческие корабли, покидающие шумный город Амстердам, где вместо улиц вода и вместо повозок ездят на лодках; про великое море, которое ревет за высокими каменными плотинами; про путешественников, которые плывут из Амстердама кругом Африки в жаркую Индию, в Китай и даже в отдаленную Японию; про то, как везут из этих далеких стран золото, слоновую кость, перец и корицу и как на морях нападают на купцов разбой-

ники с черным флагом и уводят их в плен на долгие годы...

Вдруг Брандт встал. Дверь раскрылась, и в ком-нату вошел боярин Стрешнев.

— Государыня-матушка сюда жалует, — сказал он.

— Уйди, мейнгер, — проговорил Петр и обернулся лицом к двери.

Вошла Наталья Кирилловна. Она подошла к Петру и положила ему руки на плечи.

— Петруша, — заговорила она жалобно, — что это ты придумал — по речке плавать, того и гляди утонешь!

— Не утону, мать, — сказал Петр. — От смелого и смерть бежит.

— Завел себе потеху водяную, бог с ней! А зачем других за собой таскаешь? Тебе вольная воля, а боярин Троекуров обиделся. Уж он было сына своего простил, да как увидел его на лодке-то, тут опять рассердился. «Откажусь, говорит, от своего сына, не надобен мне такой сын, порченный!»

— Ох, мать, — вздохнул Петр, — надоел мне твой боярин! Не человек, а пузырь с бородой. Да

пускай едет обратно в Москву!

— Нельзя, Петруша, — твердо сказала царица, — он человек нужный, он наш человек. Сестрица-то твоя, Софья, в Москве сидит не без дела:

она все против нас злые козни строит. Не знаешь ты разве? Уж и на тебя наговоры были, чтоб тебя извести» ядом или ножом, чтоб ей самой царством править. А боярин Троекуров человек важный, у него под рукой все стрелецкое войско. Стало быть, ежели он свое войско к нам пошлет, быть нам целыми, а ежели он на ихнюю сторону перекинется, кто нас защитит?

— Кто? — ретиво сказал Петр. — Мои солдаты — вот кто.

— Ребята-то?

— Для кого ребята, а для меня настоящее войско. Чай, не хуже стрельцов будут. Да и стрельцы-то не все на Софьиной стороне. Есть такие, что и за нас стоят. Не бойся, мать, я тебя в обиду не дам. Вот мне нынче флот нужен.

— Какой такой флот?

— Какой флот бывает — корабли...

— Господь с тобой, Петр! Зачем тебе корабли?

— Зачем корабли? Чтоб воевать!

— С кем воевать, Петр?

— С врагами державы нашей, матушка, Коли Софьины люди против меня поход замыслят, я им пушки под самые окна подведу.

— Ох, Петруша, это забава твоя!

— Нет, мать, увидишь, что не забава. Отпусти меня пожить в Переславле.

— В каком Переславле?

— Что на Плещеевом озере, верстах в сотне отсюда.

Наталья Кирилловна всплеснула руками:

— Куда я тебя в такую дальнюю дорогу отпускаю? Ведь тебя изведут враги!

— Ничего, мать, я уж не мал, справлюсь.

Я хочу строить корабли. Я плавать хочу.

— Сохрани господи, утонешь! И что, тебе в голову приходит! Полно, перестань. Это все твои голландцы наводят тебя на такие страсти! Не доживешь ты с ними до добра.

— Это не голландцы, мать, — улыбаясь, проговорил Петр, — нечего на них валить, я сам таким дурным родился. Не было бы их, я бы других мастеров позвал. Я плавать хочу.

Петр обнял мать. Роста он был высокого, и Наталья Кирилловна приходилась ему головой по плечо, хотя и сама она была не маленькая.

— Пусти, задавишь! — с трудом проговорила она смеясь. — Прямо как медведь навалился. Ну куда я тебя пушу, дитяtko? Ты еще мальчишка совсем...

— Нет, матушка, я умру от тоски, коли не пустишь.

Наталья Кирилловна вздохнула.

— Подожди хоть именин своих... Да отстань ты от меня, Петрушка, не целуй! Все равно до именин не пушу никак!

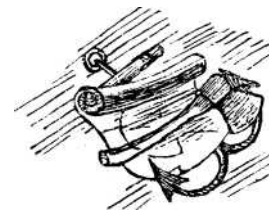
48

— А после?

— А после, так и быть, поезжай.

Петр стал целовать мать и едва не задушил ее.

— И Тиммермана возьму, — говорил он, — и Голицына Борю возьму, и старика Брандта. Из потешных — Якима Воронина, да Лешку Бакеева, да Федьку Троекурова... да плотников, да мостильщиков... Вот построим корабли для забавы озерном! Вот-то будет флот!

3. ЗАБАВЫ ОЗЕРНЫЕ

Дорога от Троице-Сергиева монастыря к Переславлю на протяжении шестидесяти трех верст пролегает по холмам, по долинам, между зеленых рощ и широких полей. Не доезжая верст пяти до озера, от каменного креста, который стоит на вершине горы, открывается сам город Переславль-Залесский. Купола старинного собора и нескольких монастырей собрались на берегу озера. Налево тихо движутся широкие воды, сверкает серебряной нитью горизонт, носятся над простором стаи белых чаек с розовыми клювами и лапками, ветер шумит в рощах и доносит далекий колокольный перезвон.

Здесь, возле мыса Гремяч, в июле 1688 года застучали первые топоры. Строились новые корабли — фрегат и две яхты.

По ночам на мысу горели костры. Лешка Бакеев варил в котелке уху из знаменитой жирной пере-

славской селедки. Отблеск костра падал на загорелое лицо Федора Троекурова. Федор был грустен. Нынче днем Петр подозвал его и сказал, что боярин Троекуров приехал в Троице-Сергиеву лавру и бил челом самому Петру, чтоб Федора отпустили, а то он, боярин, откажется от сына.

— Не могу я больше тебя укрывать, Федор, — сказал Петр. — Рассуди сам, боярина обижать нельзя. Ежели я тебя укрою, то он в Москву бросится, к моей сестрице в ноги. Скажет, что мы тебя украли. Поезжай с отцом, авось простит. После завтра приедет он за тобой. Он нынче в монастыре гостит.

Федор повесил голову. За последнее время, живя под открытым небом, он огрубел и возмужал. Жизнь на воздухе, возле воды и зелени, ловля рыбы в озере, работа с топором и пилой — все это ему нравилось.

Сам Петр трудился неустанно. Он ходил по берегу с топором, без кафтана, с засученными рукавами, ночевал у костров, давал приказы насчет заготовок леса, досок, гвоздей и скобок, веревок и парусины. За ним следом ходил Корт с записной книгой в руках, а за Кортом ходил мальчик с чернильницей и пером. Старик Брандт словно помолодел. Его густой голос целый день раздавался на берегу, возле речки Трубеж, где росли навесы и помосты для постройки будущих кораблей. На нем

был фартук, в руках он держал деревянный аршин. Голова была непокрыта, глаза светились из-под седых бровей.

Федор, вздыхая, глазел на все это оживление. Ему не хотелось ехать в Москву, в душный дом отца, с маленькими оконцами и низкими потолками.

— Авось боярин простит да отпустит, — сказал ему Лешка Бакеев. — Ты поплачь хорошенько.

— Куда мне плакать — я капитан, — угрюмо отвечал Федор.

Лешка отошел от костра. Ему хотелось посмотреть при свете луны на старинные могилы, где, по словам рыбаков, были схоронены давно умершие люди из племени «весь». Говорили, что здесь находят клады — лодки, а в лодках железные украшения и копья.

Кусты шумели под ветром на берегу озера. При свете луны тихо двигалась серебряная гладь. Черным выступом торчал на ней ботик, недавно привезенный с Яузы.

Луна светила на горбатые холмики над берегом. Это и были старинные могилы. Здесь когда-то жили рыбаки, которые били рыбу копьями. От этих охотников давным-давно уже и следа не осталось.

Ветер шумел в камышах. И вдруг Лешке почудилось, что он слышит тихие знакомые голоса:

— Чай, гореть не будет, а, Матюха?

52

SCAN

Grant

ПЕТР
НА СТРОЙКЕ СУДОВ

— Как не будет! Соломы полно, ветер раздует, а там шалишь... — Боязно, Матюха: Петр-то здесь!

— Пораньше бы надо думать, а теперь не убежишь. Ты сторожи, а я подожду.

— А зачем его поджигать?

— Пускай горит, нечистая сила! Видано ли, чтоб ладья супротив ветра ходила? Наверно, в ней леший сидит...

— А нам-то что? Чай, не наша ладья... Пушай сидит.

Матюха, видимо всердцах, сплюнул.

— Эх, связался я с дурнем! Как подождем чортову лодку, народ-то перепугается, а мы боярского сына под шумок и утащим. По сту раз тебе, что ли, говорить?

— Черное дело, Матюха, боязно... Да и зачем нам боярский сын?

— За него боярин Троекуров золотом заплатит. А в Москве нам спасибо скажут. Не знаешь разве? Мы с тобой в золоте и серебре будем ходить. Не любят в Москве Петровых затей... Да что мне с тобой тут лясы точить, ступай!..

В кустах возле бота полыхнул огонек. Погас, снова вспыхнул.

«Батюшки! — мелькнуло в голове у Лешки. — Ведь это они ботик хотят поджигать, ироды! Что делать?!»

54

Огонек из кустов как будто побежал по направлению к пристани. Видно было, что его прикрывают полой.

Лешка быстро добежал до берега. Темная фигура лезла на нос бота, вытащенного на берег.

«Крикнуть? — подумал Лешка. — Нет, убежит ведь... Надо тихо».

Лешка скинул сапоги и полез на бот вслед за темной фигурой. Взобравшись на нос, он увидел, что какой-то человек возится с горящей головней под настилом палубы и от его головни уже будто занимается солома. Тут Лешка не выдержал и, крикнув изо всех сил, прыгнул на этого человека сверху. Тот охнул и упал ничком. Лешка моментально вцепился ему в шею. Так они и барахтались в соломе, как казалось Лешке, не меньше часа. Человек извивался всем телом, пытался ухватить Лешку за ногу, мотал головой, кусал ему руки. Но Лешка Бакеев был мальчик ловкий и увертливый. Несколько раз этот человек чуть было не сбросил его с себя, но каждый раз Лешка снова взбирался ему на спину, между лопаток, и висел на нем, как гончая, вцепившаяся в загривок оленю.

В лагере раздался шум, крики, замелькали фонари.

— Сюда! — кричал Лешка. — Сюда! На боте, на боте!

55

По палубе затопали сапоги, и бот закачался. Несколько пар дюжих рук схватило поджигателя и оторвало его от Лешки. Фонарь осветил его лицо.

— Это кто же таков? — сказал голос Якима Воронина, главного плотника. — Ты, парень, чего причал?

Лешка посмотрел на поджигателя — это был тот самый стражник, которого он видел на Льян-ном дворе в Измайлове. Его темная борода была всклокочена, глаза горели.

— Держите его, он злодей! — сказал Лешка. — Он хотел наш корабль поджечь, он продался врагам Петровым.

— Ты кто? — спросил Воронин и приблизил фонарь к лицу поджигателя. — Я тебя не видал...

— Кто есть, тот и есть, — угрюмо отвечал поджигатель. — А не видал, так увидел.

— Ишь ты каков! — сказал Воронин. — Видать, птица из московского птичника... А ну, братцы, возьмите его!

Лешка коротко рассказал Якиме о подслушанном разговоре. Яким свистнул:

— Вот оно что! То-то и оно... Полдела-то они сделали!

— Какие полдела?

— Боярского сына Троекурова утащили. Спал он у костра, а теперь нет его нигде. Ищут, найти не могут. Так их тут целая стая! Один корабль

56

SCAN Grant

подпалил, другой парня утащил... Ну и будет нам от господина бомбардира на орехи!

Петр стоял у костра со шпагой в руке. Лицо его было бледно, глаза сверкали.

— Нашли Федора?

— Не нашли, мейнгер Питер, — сказал Брандт, появляясь в свете костра, — куда его сейчас найти! Темно, кругом лес! Однако не думаю, чтобы они далеко его увели. Я разослал повсюду людей.

— Завтра утром найти, чего бы ни стоило! Завтра боярин приедет за сыном. Выходит, опять

я его прячу! Понимаешь ты, мейнгер: выходит, Петр солгал! А я никогда не лгал!

— Понимаю, ваше величество! — со вздохом сказал старик. — Но утро вечера мудренее, как ваш народ говорит, — найдем!

Петр взмахнул шпагой, словно хотел разрубить костер надвое, повернулся резко и зашагал прочь прыгающей походкой.

— Хорошо, пожара не было, — сказал Воронин, глядя ему вслед, — а то бы в народе молва пошла, что боярского сына петровцы сожгли в огне. Вот лихо-то придумали!

Утром в лагере никто не работал. Потешные обыскали все рощи, все побережье, всю деревню Веськово. Петр стоял на берегу, внимательно разглядывая озеро, словно ждал, что Федор выплывет из воды.

57

Вдруг он обернулся:

- Эй, кто здесь есть? Где старик?
- В лесу, государь, в поисках, – ответил Лешка, который не отлучался от бота.
- Бакеев, снаряжай бот!
- На озере искать? – догадался Лешка.
- Нет, не на озере, а за мысом, на том берегу.

Видишь, там роща?

Лешка посмотрел на дальнюю рощицу:

- Верно, роща, государь...
- А с берега ее не видать. Забыли ее осмотреть.

Лешка снарядил бот. Подняли парус и поплыли. На озере было волнение, бот слегка качало.

– Говорят, тут бури бывают, – сказал Петр, глядя на небо.

– Ежели налетит буря, то надо заранее парус убирать. Мастер Брандт говорит, что в бурю надо подальше от берега держать. Эй, левее, левее!

Лешка стоял на руле. Он вспомнил, как Брандт рассказывал, что если капитан подает команду рулевому, то рулевой должен ее повторить. И он откликнулся:

- Левее!
- Еще левее!
- Еще левее! – уверенно повторил Лешка.
- Так и держать!
- Так и держать! – отозвался Лешка.

58

SCAN Grant

Бот плавным ходом шел по озеру вдоль берега, под командой шестнадцатилетнего капитана.

– Держи прямо! – крикнул Петр, засучил рукава и стал убирать парус.

Бот замедлил ход и свернул в крошечную бухточку. Через минуту нос его врезался в песок. Петр соскочил на берег, за ним Лешка..

Обшарили рощицу. В ней никого не было. Петр устало посмотрел на небо. Солнце уже перевалило через полдень.

– К вечеру приедет Троекуров, – сказал Петр, – тут отдыхать некогда. Давай шест, плывем дальше – весь берег обойдем!

В середине дня запыленные, измученные потешные с Брандтом, Тиммерманом и Кортом вернулись, никого не обнаружив в лесах и полях.

Воронин сказал, что, может быть, пропавшего Федора надо в монастыре искать. Кто-то из потешных даже усомнился, не сбежал ли Федор по своей воле.

Вдруг на озере послышался плеск и знакомый голос:

- Прямо держать!
- Прямо держать! – откликнулся другой голос.
- Парус долой!
- Парус долой!

59

К пристани подходил бот. В нем было три человека: Федор Троекуров на парусах, Лешка Бакеев с шестом, а Петр стоял на руле и командовал.

— Ура! — закричал Воронин, и кругом, по лесам и водам, раскатилось громкое «ура», повторенное озерным эхом.

— Правильно, — говорил Брандт, глядя на ботик, — правильно! Парус спустить, так... теперь лево на борт. Правильно! У Питера правильный глаз, не потеряет ход перед пристанью... Ну, это очень хорошо, Корт, не правда ли?

— Очень хорошо! — подтвердил Корт. — Теперь только осталось бросить канат.

И канат полетел на пристань.

Федор посинел от холода. Он с трудом мог рассказать, что с ним случилось. Ночью его схватили у костра, заткнули рот и понесли. Он не видел лиц тех, кто его нес, но помнит, что их было двое. Потом к ним присоединился третий, которого звали Андрюшкой. Туг в лагере поднялся шум, замелькали фонари. Похитители испугались, взвалили Федора на плечи и понесли вдоль берега. Один из них все время охал и предлагал «бросить мальчишку», другие спорили. Федора втащили в какую-то лодку вроде рыбацкого челна. Отталкиваясь шестом, они поплыли вдоль берега. Потом, когда удалились от лагеря, достали весла и пошли через залив к другому берегу. Там, в рожице,

между похитителями загорелся спор. Тот, которого звали Андрюшкой, требовал, чтобы боярского сына бросили. Другие говорили, что теперь «бросить его, так это на свою голову». Поминали ка-кого-то Матюху, который должен был что-то под-жечь, да не поджег и сам попался. Тут уж Федор ровно ничего не понял.

Наконец, похитители снова втащили Федора в лодку и медленно поплыли вдоль берега. «Куда им нас найти! — говорил один из них. — Они нас в лесу ищут, им в озеро-то пойти невдомек». Другой говорил, что не лучше ли подальше от греха — свалить боярского сына в воду, да и плыть в Переславль. Третий его оборвал, назвал дурнем и сказал, что пока на берегах обыскивают каждый камешек, лучше всего держаться на воде.

Так всю ночь и все утро Федор провел на дне лодки. Во рту у него была тряпка, руки и ноги были связаны веревкой.

Посреди дня похитители снова стали спорить, приставать к берегу или нет. Лодка была где-то возле самого мыса. Вдруг Андрюшка закричал:

— Братцы, спасайся: парус! Корабль идет!

Лодка сильно закачалась. Все трое спрыгнули в воду. Федор слышал, как они, с шумом разгребая воду, шли к берегу. Затем стало тихо. Через несколько времени Федор услышал знакомый голос:

— Эй, кто там есть на лодке?

Федор извивался всем телом, но не мог освободиться от веревок и крикнуть не мог. Рядом с лодкой заплескала вода, потом лодка дернулась. Железный крюк зацепился за ее борт и потащил ее за собой. Через несколько минут кто-то развязал веревки, и Федор увидел над собой смуглое лицо господина бомбардира...

На следующий день Федора отдали отцу. Петр обманывать не любил. Но потом Федор пришел обратно. Дома его взяла тоска, он стал худеть и бледнеть.

Боярин глядел на него, глядел и наконец не выдержал:

— Чего тебе надобно, сынок? Что с тобой делается?

— Хочу на Плещеево озеро, — сказал Федор. Боярин опустил голову и долго думал.

— А я тебя женить хотел! — сказал он со вздохом.

— Не хочу, отец, жениться, я плавать хочу.

Я капитан.

— Да, — сказал боярин, глядя бороду, — нынче не те времена пошли. Сладу с вами, ребятами, нет. Плавать! Ишь чего захотел! Ровно утка. А ранее воды боялся.

— А теперь я привык, — сказал Федор и поклонился отцу в пояс: — Отпусти, боярин, а то помру я с тоски! А женить успеешь...

62

SCAN Grant

Долго гладил бороду Троекуров. Потом притянул к себе сына, посмотрел ему в глаза и сказал: — Иди! Может, тут и судьба твоя...

И Федор вернулся на Плещеево озеро.

А там уже все изменилось. Были построены две яхты и фрегат. На берегу стоял маленький деревянный дворец для Петра и его помощников. Собирались спускать на воду еще один большой корабль.

Спуск состоялся только в мае 1692 года. Петру тогда было уже двадцать лет, но лицо его было все такое же мальчишеское, с живыми черными глазами, и походка у него была все такая же прыгающая. Немало пришлось ему пережить за это время. Люди его сестры, царевны Софьи, хотели поднять стрельцов против него. Он ночью бежал в одной рубашке из Преображенского в Троице-Сергиеву лавру. Заговор был раскрыт, зачинщики арестованы, а Софья сослана в монастырь. Теперь Петру не надо было бояться за свою жизнь. Но с тех пор у него стало дергаться лицо, движения стали резкие, а нрав крутой.

При спуске нового корабля состоялась большая церемония. Снова палили из пушек и пускали фейерверк. Петр сам взял в руки топор и вышиб первую подпорку из-под днища корабля. Когда корабль закачался на волнах, Петр подвел к берегу Брандта, который до того состарился, что уже еле

63

передвигал ноги. Все-таки старик нашел в себе силы, чтобы по старинке взять в руки пивную кружку.

— Я не забыл, мейнгер Питер, — сказал он, — как вы тогда сами, без меня, впервые поплыли...

Поверьте, вы так хорошо шли под парусом, что у меня сердце забилось! За здоровье Петра Михайлова, первого капитана российского флота!

Брандт выпил и бросил кружку в озеро.

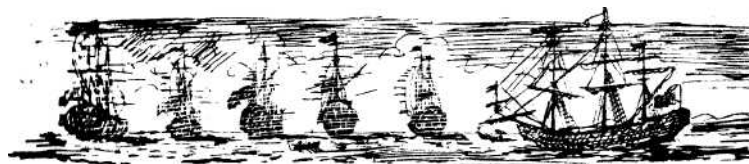
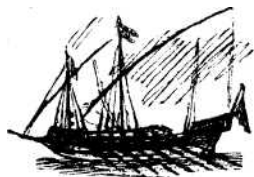
Петр обнял его и расцеловал в обе щеки. Потом он обернулся к Лешке Бакееву, рослому загорелому юноше, который стоял возле него улыбаясь:

— Дайте еще кружку! За здоровье Алексея Бакеева, первого матроса российского флота! И за

всех адмиралов, капитанов, матросов и мореходов российских! Ура!

Снова грянули пушки, и орудийный гром далеко раскатился над серебряными водами Плещеева озера, над Переславлем, над его полями, лесами и реками.

— За флот! За флот! — воскликнул Петр. — За моря российские, отныне и вовек!

4. ФЛОТ

Прошло целых двадцать два года. Петру было уже сорок два года, он стал контр-адмиралом.

Русские корабли собрались стайей в бухточке на Балтийском море, у мыса Гангут. За сутки до этого русские гребные галеры обогнули мыс Гангут и проскочили на запад мимо шведских кораблей, которые сторожили проход мимо мыса. Это было 26 июля 1714 года.

В бухточке стоял шведский отряд: большой корабль «Элефант», на котором находился шведский командующий Эреншельд, и еще несколько мелких кораблей.

Петр приказал атаковать шведов.

Галеры на веслах бросились вперед. Раздался барабанный бой и звуки труб.

Борты шведских кораблей одновременно полыхнули огнем, и длинное низкое облако дыма возник-

ло над самой водой. Окрестные скалы вздрогнули от могучего грохота.

Два раза русские галеры бросались в атаку, и дважды шведские пушки отбивали их огнем.

Наконец двинулись в бой основные силы русского флота. Железные крючья в густом дыму зацепились за борты вражеских кораблей, поднялись штурмовые мостки, и зеленые мундиры повалили на палубы со штыками наперевес. Лязгали штыки, слышались яростные крики, мелькали залитые кровью лица.

Подул ветер, и в разорвавшемся на минуту облаке дыма стал виден Петр. Стоя на носу галеры, он потрясал шпагой. Он потерял шляпу, и ветер трепал его темные волосы. Глаза его сияли.

— Ура! — загремели Петровы матросы и солдаты, и бой закипел с новой силой.

Пушки били картечью в сплошную массу тел, которая кишела вокруг них; иногда пушки взрывались, и в воздух летели десятки людей в шведских и русских мундирах.

От корабля «Элефант» поднялся к небу высокий столб черного дыма. «Элефант» горел. Один за другим сдавались шведские корабли.

К пяти часам вечера ветер погнал тяжелую тучу дыма по скалам и лесным прогалинам, и в просвете стал виден синий крест русского воен-

но-морского флага, который трепетал на мачте «Элефанта».

К борту корабля подошла лодка. С нее на борт подняли на скрещенных ружьях израненного, бледного человека в разорванном шведском мундире.

Это был шведский командующий Эреншельд. Он думал скрыться на шлюпке, но был захвачен в плен. Его доставил на борт захваченного русскими корабля капитан Бакеев — тот самый Лешка Бакеев, с которым плавал Петр по Яузе и Плещееву озеру. Но теперь ему было уже сорок лет; он был рослый, крепкий мужчина с пышными усами.

Навстречу пленному Эреншельду вышел Петр — худощавый широкоплечий человек двухметрового роста. Он шел, опираясь рукой на шпагу. Голова его была высоко поднята, на лице играла улыбка, а походка была все такая же быстрая, прыгающая,

Ему поднесли шпагу пленного вражеского командующего. Он приказал доставить Эреншельда на берег и помочь ему.

— С победой, молодцы! — сказал Петр.

И тут взор его встретился со взором капитана Бакеева, и лицо его засияло.

— Бакеев, — сказал он, — давно мы не виделись! Ты капитан?.. Ну, молодец! А помнишь, как мы с тобой на Плещеевом озере корабли строили?

67

А Федора Троекурова нет уже — еще молодым сложил голову под Азовом. А ты? Ведь я тебе велел стеречь бот! Где он?

— В сарае остался под Переславлем, ваше величество.

— Как же так — в сарае? Неужели дело! Бот сей есть дедушка российского флота. Дай срок, я его опять на воду спущу.

Петр посмотрел кругом. Все вражеские корабли стояли под русскими флагами. Победа была полная.

— А что, Бакеев, — сказал Петр, — ведь правда, российский флот ныне не мух ловит?

Петр недаром назвал ботик дедушкой русского флота. Он не забыл про него. В 1723 году, когда Петр ехал из Персии через Москву, он заехал на берега Плещеева озера. Со скрежетом растворились двери старого сарая. Факелы осветили всякую рухлядь и лежащую на боку среди кучи мусора старую лодку. Снова она пришла в упадок: мачта была сломана, железные части заржавели, краска слезла.

Петр смотрел на лодку, затаив дыхание, и слезы показались у него на глазах. Тридцать лет не виделись они — бомбардир Петр Михайлов и его первая лодка. Теперь, когда по морям ходили русские суда, когда на Финском заливе строились огромные, стопушечные линейные корабли, стран-

но было Петру смотреть на эту маленькую лодочку, в которой едва помещалось восемь человек.

Петр посмотрел на Бакеева, который стоял позади него.

— Леша, друг любезный, — сказал он, — прикажи ботик обновить, мачту поставить, парус натянуть, а днище обшить медью. Нет уже старика Брандта, но ныне у нас свои корабельные мастера найдутся не хуже его. И пускай перевезут ботик в Парадиз.

«Парадиз» — значит «рай». Так Петр назвал свою новую столицу, город Петербург, который в наши дни зовется Ленинградом.

Петр вышел на берег. Когда-то он посадил перед своим домом березки. Сейчас это уже были большие деревья; сквозь мелкую их листву видна была движущаяся серебряная равнина Плещеева озера. Петру показалось на один миг, что он слышит звонкое туканье топора и веселые голоса давно умерших друзей: Воронина, Лефорты, Троекурова, Голицына, Гордона... Лицо у него дернулось. Размахивая шляпой, он зашагал по берегу озера. Бакеев едва догнал его.

— Ботик тебе поручаю, — сказал Петр Бакееву. — Храни его на память о том, как мы впервой на воду сошли. Помни: дед российского флота!..

Он не договорил, мотнул головой, сел в карету и уехал.

Осенью того же года в Кронштадте состоялся большой морской парад. Девятнадцать линкоров и четыре фрегата стояли линией. «Дедушка русского флота» приехал из Петербурга на большом корабле.

Когда «дедушка» был спущен на воду и показался перед флотом, все пушки на кораблях и в кронштадтской гавани загремели салютом. Казалось, воздух разрывается от пушечного грома.

Крошечная лодочка, никогда не видевшая моря, шла теперь перед флотом. Громадные корабли, опутанные снастями, пестревшие флагами, приветствовали ее и выбрасывали дым из всех оружейных жерл. Они были похожи на стадо слонов, которые приветствовали муху.

Барабаны били, музыка играла на кораблях, крики «ура» неслись по гавани. Бот шел на веслах. Гребцами были четыре адмирала. Петр то стоял на руле, то садился на весла и брался за валёк, обитый бархатом.

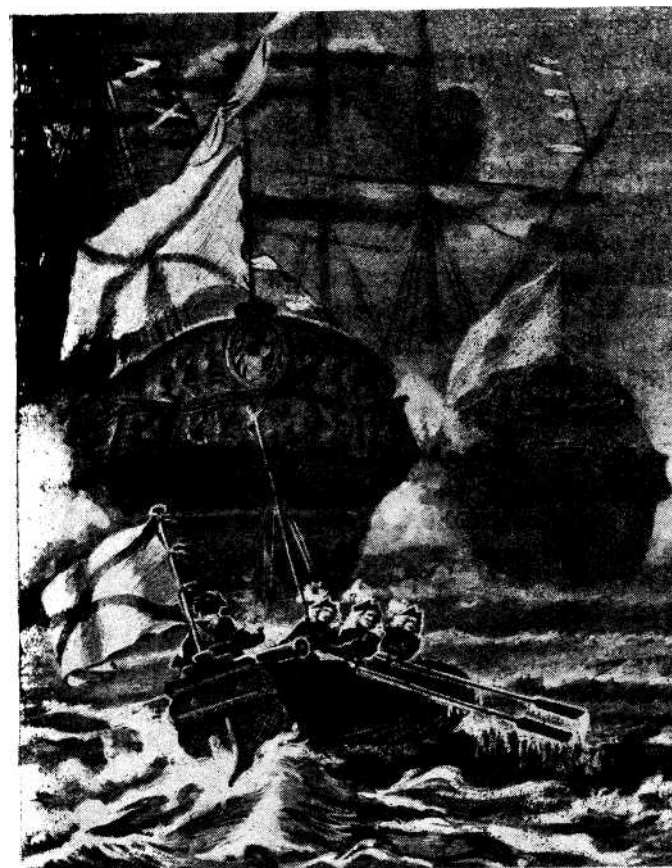
На боте были установлены две крошечные пушечки.

Петр встал и сам зарядил их. Заметив это, корабли перестали стрелять, и на минуту в гавани стало тихо.

Тут бот дал ответный салют. В тишине тьяканье его пушечек прозвучало, как хлопанье пробки,

70

SCAN Grant

ПАРАД
РУССКОГО ФЛОТА

которая вылетела из бутылки. И снова Кронштадт задрожал от могучего залпа всей корабельной артиллерии.

— Ура, дедушка! — кричали на кораблях. — Слава дедушке!

После парада ботик снова погрузили на корабль и перевезли в Петропавловскую крепость. Здесь его поставили под навесом, на площади.

Бакеев следил за ботиком долгие годы.

Петр умер в 1725 году, а его ученик жил еще двадцать лет.

Уже глубоким стариком можно было видеть на площади капитана Бакеева. Опираясь на трость, он ходил вокруг лодки, на которой когда-то играя в «казаков-мореходов».

— Я на карауле стою, — улыбаясь, говорил он. — Мне адмирал Петр Михайлов приказал не сходить с караула.

Пришло время умереть и Бакееву. Ботик, однако, не умер. Старик Брандт был прав — дерево оказалось прочное, оно пережило своих строителей.

Не раз еще плавал ботик. Он участвовал в празднике столетия Петербурга и стоял на Неве напротив памятника Петру.

Через тридцать три года он познакомился с пароходом.

На палубе «Геркулеса» он прибыл в Кронштадт и еще раз встретился со своими внучатами. Перед ним стоял весь Балтийский флот, шестьдесят четыре корабля, вытянутые в линию, которая тянулись на одиннадцать километров.

«Дедушка» обошел всю линию. На нем подняли флаг, и снова на кораблях загрели пушки, еще более мощные, чем при Петре. Ботик отвечал семью выстрелами, после которых на мачтах запестрели вереницы флагов.

Прошло еще тридцать шесть лет. Ботик познакомился с железной дорогой. Гвардейский караул доставил его на вокзал. Ему подали две специальных платформы с навесом. Он поехал на родину, в Москву, где не был двести лет. Если бы он был человек, он, вероятно, не узнал бы Москву. В Преображенском не было уже ни дворца, ни крепости Пресбург, ни плотин, ни мельниц. Даже деревьев не было. Яуза стала мелка и узка, как сейчас. Не осталось и следов детских забав Петра. А ботик жив.

Перед началом Великой Отечественной войны он стоял в Нижнем парке, в городе Петродворец, около Ленинграда. Стоял под крышей, в каменном доме с большими окнами, в которых были вставлены толстые стекла. Перед домиком можно было видеть военных моряков — офицеров и краснофлотцев. Они подходили к домику, читали над-

пись: «Дедушка русского флота», и все как один прикладывали руки к козырькам. Минут по пяти они стояли молча.

На этом и кончается история ботика. Сейчас ему уже двести семьдесят пять лет. И он, кажется, не собирается умирать.

Мальчики, которые учатся в Нахимовских училищах, прежде всего знакомятся со шлюпочным и парусным делом и уже с первых месяцев обучения знают, что такое значит «весла на воду», «табань»¹, «фок»², «кливер»³.

Ленинградские нахимовцы нам рассказывали, как они видели «дедушку». Они остановились перед ботом, сняли бескозырки и постояли тихо минуты три. «Дедушка» совсем маленький.

После этого они побывали в Кронштадте и посмотрели на тяжелые серые силуэты боевых кораблей с их башнями, трубами, пушками, стальными плитами, проводами, тросами. Некоторые из них чуть дымили на рейде⁴, с других доносились команда и звон колокола.

---

¹ Та ба н ь — команда на шлюпке, по которой гребцы гребут в обратную сторону с целью быстро затормозить.

² Ф о к — нижний прямой парус на передней мачте корабля.

³ К л и в е р — косой треугольный парус, ставящийся впереди передней мачты (фок-мачты).

⁴ Р е й д — часть моря вблизи берега, у входа в порт, удобная для стоянки судов.

На берегу, под высокими березами, стояла медная фигура Петра в парадном мундире. Глаза его были устремлены вдаль. Кончиком шпаги он повелительно указывал на туманный залив. На памятнике были высечены его же слова:

«Оборону флота и сего места иметь до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело».

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу:

Москва, Малый Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Забавы сухопутные	5
2. Забавы речные	17
3. Забавы озерные.....	50
4. Флот	65

Для младшего возраста

Ответственный редактор Я. Максимова. Художественный редактор Б. Дехтерев. Технический редактор В. Артамонов. Подписано к печати 10/VII 1946 г. 2,5 п. л. (2,2 уч.-изд. л.). 37 600 зн. в п. л.
Тираж 45 000 экз. А05585. Заказ № 2653. Цена 1 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцевский вал, 49.

SCANGrant

Цена 1 р. 50 к.

